

о наличии феодализма в Хорватии в XIII—XIV вв., тогда как нужно доказать его существование уже в X—XI вв., что, собственно, и отрицается обычно в буржуазной историографии.

Борьбе южнославянских народов с турецкой агрессией в XIV—XV вв. специально посвящена только работа И. С. Достяна³³. Автор рассматривает внутреннюю обстановку в южнославянских землях накануне турецкого вторжения и считает, что основной причиной установления турецкого владычества и потери южнославянскими народами государственной независимости явилась феодальная раздробленность и отсутствие политического единства. В противовес утверждениям буржуазной историографии, И. С. Достян показывает, каким страшным бедствием для народных масс было установление турецкого владычества. К недостаткам статьи следует отнести то, что многие работы современных болгарских и югославских ученых, посвященные этой же проблеме, не учтены автором. Поэтому автору и не удалось достаточно конкретно показать героическую борьбу народных масс южнославянских государств против турецких захватчиков.

Как мы видели, в период, которому посвящен наш обзор (1950—1957 гг.), советские историки немало сделали в области исследования и популяризации ряда очень важных проблем средневековой истории южнославянских народов.

К. В. Хвостова

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Проблемы византиноведения занимали грузинских ученых и в прошлом столетии и в начале XX в. Эти вопросы разрабатывали А. С. Цагарели, А. А. Хаханашвили, а позднее — Н. Я. Марр и К. С. Кекелидзе, но специальное исследование вопросов, касающихся Византии, их изучение в связи с историей Грузии и с грузинскими памятниками начинается только после Великой Октябрьской социалистической революции. Сразу же после основания Тбилисского университета его правление постановило учредить кафедру византиноведения. С этой целью был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности окончивший в 1917 г. Петроградский университет С. Г. Каухчишвили. Грузинские византинисты за 40 лет работы создали большое число трудов, рассмотрев в них различные проблемы византийской истории и истории взаимоотношений Закавказья и Византии.

Важное место в деятельности грузинских византинистов занимала публикация греческих источников и грузинских памятников, связанных с византийской историей и культурой.

Наибольшее значение для историков Византии среди этих изданий имеет публикация Г. Ф. Церетели, содержащая ряд чрезвычайно важных позднеримских и византийских папирусов, проливающих новый свет на социально-экономические отношения в ранневизантийском Египте¹.

Грузинские ученые опубликовали ряд греческих надписей. С. Г. Каухчишвили издал несколько надписей, найденных во время археологических

³³ И. С. Достян. Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв. ВВ, т. VII, 1953, стр. 32—49; ее же. Южнославянские народы под игом турок в XV—XVIII вв. «Преподавание истории в школе», 1951, № 5.

¹ Papyri russischer und georgischer Sammlungen, hrg. von G. Zereteli, Bd. III. Tiflis, 1930, S. 333.

раскопок на территории Грузии; в 1941 г. им прочтена и опубликована надгробная надпись IV—V вв., найденная в Мцхета-Самтавро, с упоминанием архитектора и главного живописца Аврелия Ахалиса². В 1941 г. опубликована надпись VI—VII вв. из древней Лазики³ и др. Греческие надписи XIII—XIV вв. из церкви Магаловых селения Цинарехи в ущелье Кавтури (в Картли) были опубликованы Л. М. Меликсет-Беком⁴. Греческим надписям, преимущественно византийского периода, посвящена монография Т. С. Каухчишвили^{4а}; ей же принадлежит расшифровка мозаичной надписи из Бичвинта (Пицунды)^{4б}.

К. С. Кекелидзе издал и исследовал ряд грузинских памятников, проливающих некоторый свет на историю византийской литературы: дело в том, что эти памятники (по большей части агиографические) нередко являются переводами утерянных греческих оригиналов⁵. Среди изданных им памятников — переводы неизвестных фрагментов Евсевия Кесарийского⁶. Л. М. Меликсет-Беку принадлежит публикация жития св. Григория Парфянского⁷ в грузинской версии XI в., восходящей к греческой редакции IX в.; переводчиком являлся грузинский монах монастыря Триандафилис в Константинополе.

Кроме того, был опубликован ряд грузинских памятников, содержащих сведения по истории Византии и по истории взаимоотношений народов Закавказья и Византийской империи. Л. М. Меликсет-Бек издал *Согрус иuris Armeniaci*⁸, который содержит, помимо прочего, публикацию грузинской версии сиро-ромейского судебника в переводе с армянского (в начале XVIII в.). Судебник, как известно, был действующим кодексом права в восточных провинциях Византийской империи с V в.

К. С. Кекелидзе издал⁹ памятник начала XIII в. «История и восхваление венценосцев», содержащий некоторые данные по политической истории Византии. В комментариях выявлены греческие источники этой анонимной

² С. Г. Каухчишвили. Новая греческая надпись из Мцхета-Самтавро. «Известия АН Гр. ССР», т. 4, 1950, № 6, стр. 577—584 (резюме на русск. яз.).

³ Его же. Греческая надпись из Носири. «Труды Тбилисского гос. университета» (далее Труды ТГУ), т. 18, 1941, стр. 141—147 (резюме на русск. яз.).

⁴ Л. М. Меликсет-Бек. Из археологического путешествия в ущелье Кавтури. «Известия ТГУ», т. 5, 1925, стр. 129—145 (на груз. яз.).

^{4а} Т. С. Каухчишвили. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, ЛП + 378 стр. (на груз. яз.).

^{4б} Её же. Греческая надпись бичвинской мозаики. «Сообщения АН ГрузССР», 1955, стр. 73—80 (на русск. яз.).

⁵ К. С. Кекелидзе. Тимофей Антиохийский, неизвестный сирийский деятель VIII в. «Известия Института языка, истории и материальной культуры» (далее ИИЯИМК), т. VII, 1940, стр. 150, резюме на русск. яз.; его же. Мученичество Оригия и его сподвижников. «Литературные разыскания», т. IV, Тбилиси, 1948, стр. 93—128 (резюме на русск. яз.). Работы К. С. Кекелидзе по истории житийной литературы объединены в его сборнике: «Кимен». Грузинские агиографические памятники, т. I—II. Тбилиси, 1918—1946, стр. 351 и 239 (во II т. резюме на русск. яз.). Во втором томе этого сборника в основном собраны грузинские переводы утерянных византийских произведений.

⁶ К. С. Кекелидзе. «Кимен». Грузинские агиографические памятники, т. II. Тбилиси, 1946, стр. 86—114.

⁷ Vita S. Gregorii Parthianensis, ed. L. Melikset-Bek, Monumenta Georgica, v. I. Scriptores ecclesiastici, № 2. Tphilissis, 1920, VIII + 52 pp. Ср. Л. М. Меликсет-Бек. Грузинская версия апокрифической гомилии о Григории Парфянском, приписываемой Иоанну Златоусту. «Литературные разыскания», т. II, 1944, стр. 39—61 (резюме на русск. яз.).

⁸ Monumenta Georgica, v. IV, Leges, № 2. Tphilissis, 1927, XVI + 253 + III p.

⁹ См.: История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1941, стр. 164 (на груз. яз.); 2-е русское издание с более подробным комментарием: Тбилиси, 1954, стр. 112. См. также: сборник «Руставели», Тбилиси, 1938, стр. 121—158. «История и восхваление венценосцев» как литературный источник (на груз. яз.).

грузинской хроники и объяснены исторические термины. Л. М. Меликсет-Бек опубликовал поэму армянского поэта начала XVI в. Григория Ахтамарского «Маринос»¹⁰, которая представляет собой переложение в стихотворную форму одного агиографического произведения из армянского «Синаксаря», восходящего к греческим *Ἀποφθέρματα*.

Вопросы вспомогательных исторических дисциплин также рассматривались в трудах грузинских ученых. Г. Ф. Церетели издал и исследовал — преимущественно с палеографической точки зрения — греческое евангелие из Коридети, образчик греческого письма IX в., начертанного не греком, а грузином. Г. Ф. Церетели рассмотрел также находящиеся на полях рукописи приписки различного содержания, сделанные разными авторами на протяжении нескольких столетий¹¹. И. А. Джавахишвили в работе «Грузинская дипломатика»¹² поместил специальную главу «Греко-византийские хрисовулы», где он исследовал текстуальный состав хрисовулов, отдельные части их, взаимоотношения между отдельными частями византийских «дипломов», некоторые вопросы терминологии и т. д.

Другая группа исследований рассматривает вопросы источниковедения. Основное внимание грузинских ученых привлекали две темы: византийская хронография и агиографический сборник Симеона Метафраста. С первой темой связаны главным образом работы С. Г. Каухчишвили¹³, тогда как вторую разрабатывал К. С. Кекелидзе, опубликовавший по этому вопросу несколько работ еще в дореволюционный период¹⁴. Общие выводы своих исследований К. С. Кекелидзе суммировал в специальной работе, посвященной грузинской агиографии и ее соотношению с византийскими памятниками¹⁵; автор устанавливает здесь, что для биографии Симеона Логофета важны сведения, сохраненные Ефремом Мцире, грузинским писателем XI в., который, в частности, указал количество и состав книг в агиографическом сборнике Симеона Логофета, а также время, когда начал создаваться этот сборник (982 г.). По мнению К. С. Кекелидзе, сам Симеон обработал для чтения агиографические тексты на пять месяцев (сентябрь—январь), а сборник на остальные семь месяцев (февраль—август) был составлен византийским писателем XI в. Иоанном

¹⁰ Л. М. Меликсет-Бек. Поэма Григориса Ахтамарского «Маринос» и ее прототип. «Известия АН АрмССР», 1945, № 1—2, стр. 77—89 (на арм. яз.).

¹¹ Г. Ф. Церетели. Коридетская рукопись. Тбилиси, 1937, стр. 73 (на русск. яз.). См. также: С. Г. Каухчишвили. К датировке грузинских приписок греческого евангелия из Коридети. Журнал «Чвени Мецниереба», 1924, № 11—12, стр. 83—86 (на груз. яз.).

¹² И. А. Джавахишвили. Грузинская дипломатика. Тбилиси, 1926, стр. 199 (на груз. яз.).

¹³ С. Г. Каухчишвили. Хроника Георгия Амартола, т. I—II. Тбилиси, 1920—1926, стр. 325 и 100 (на груз. яз., т. II — резюме на немец. яз.); его же. Турническая компиляция. «Известия ТГУ», т. 4, 1924, стр. 351—355 (на груз. яз.). О Георгии Амартоле см. также: К. С. Кекелидзе. Этюды из истории древнегрузинской литературы, т. I. Тбилиси, 1956, стр. 250—265 (на груз. яз.). Работая над летописным сводом «Картлис Цховреба», С. Г. Каухчишвили исследовал некоторые византийские источники этого свода; им отмечено, например, наличие сведений из «Истории» Кедрина Скилицы в летописи «Матиане Картли», составленной в период до 1072 г., что дает возможность ближе подойти к правильной датировке труда византийского историка Скилицы. С. Г. Каухчишвили. Картлис Цховреба, т. I. Тбилиси, 1955, стр. 108 (на груз. яз.).

¹⁴ К. С. Кекелидзе. Симеон Метафраст по грузинским источникам. «Труды Киевской духовной академии». Киев, 1910, февраль, стр. 1—10; его же. Иоанн Ксифилин, продолжатель Симеона Метафраста. «Христианский Восток», т. I, 1912, вып. 3, стр. 325—346.

¹⁵ К. С. Кекелидзе. Византийская метафрастика и грузинская агиография. «Труды ТГУ», вып. 31 В. 1947, стр. 19—95 (на груз. яз.), печатается на русск. яз. Изд. АН ГрузССР.

Ксифилином. В этой статье было также опубликовано и сочинение Иоанна Ксифилина «Воспоминание, направленное к великому царю Алексею», греческий оригинал которого не был известен.

Проблемам социально-экономической и политической истории Византии грузинские исследователи до недавнего времени уделяли сравнительно мало внимания, однако в последние годы и в этой области начали появляться интересные работы. Так, некоторые вопросы византийского феодализма были поставлены в лекциях С. Г. Каухчишвили, в которых, в частности, детально рассматривается проблема происхождения фемного строя¹⁶. Л. М. Меликсет-Бек написал на основании данных «Хронографии» псевдо-Дионисия тел-Махрея, сирийского писателя VIII в., очерк истории крестьянских восстаний 774—775 гг. в IV Армении, входившей до начала VIII в. в состав Византийской империи¹⁷.

Политическим взаимоотношениям Византии и Ирана посвящены были две работы Г. К. Гозалишвили; в первой из них автор показал, насколько многообразным был этнический состав Византийской империи, и рассмотрел вопрос о соперничестве Ирана и Византии на Востоке, в частности, их ожесточенную борьбу из-за Иберии и Лазики, результатом которой явился захват Ираном Иберии, а Византией — Лазики¹⁸.

В другой его работе дается объяснение живейшего интереса Византии и Ирана к Сванетии, причиной которого являлось исключительное стратегическое и экономическое значение Сванетии¹⁹.

М. А. Кахадзе, опираясь на византийские источники, исследовал вопрос об участии грузин в политической и культурной жизни Византии; в частности, им рассмотрены участие грузин в восстании Варды Склира, переводческая деятельность Евфимия Афонского и те произведения грузинских писателей, которые были включены в состав византийской литературы²⁰.

Для изучения истории грузино-византийских взаимоотношений особенно большое значение имела публикация известий византийских писателей о Грузии; наряду с греческим текстом издатель (С. Г. Каухчишвили) приводит грузинские переводы, а в комментариях исследует ряд вопросов, касающихся отношений Грузии и Византии²¹.

Ряд работ грузинских ученых посвящен проблемам истории византийской философии. При этом главное внимание уделяется исследованию мировоззрения трех авторов: Прокла, Петра Ивера и Иоанна Итала и их грузинских последователей.

Произведения греческого философа V в. Прокла Диадоха привлекали внимание С. Г. Каухчишвили, который участвовал в оксфордском издании Прокла²². В течение нескольких лет изучала сочинения Прокла Н. Н. Кечакмадзе, результатом чего явилась ее диссертация, в которой дан обзор мировоззрения Прокла Диадоха и Иоанна Петрици (переводчика *Στοιχείωσις θεολογική*) и исследованы особенности языка обоих филосо-

¹⁶ С. Г. Каухчишвили. Лекции по истории Византии. Тбилиси, 1949, стр. 216 (на груз. яз.).

¹⁷ Л. М. Меликсет-Бек. К истории крестьянского восстания в IV Армении в 774—775 гг. «Изв. АН АрмССР», 1948, № 2, стр. 45—58 (на арм. яз.).

¹⁸ Г. К. Гозалишвили. Борьба между Византией и Ираном из-за Иберии и Лазики в VI веке. «Труды ТГУ», вып. 2, 1944, стр. 87—158 (резюме на русск. яз.).

¹⁹ Его же. Спор между Византией и Ираном из-за Сванетии. «Труды ТГУ», т. III, 1936, стр. 214—226 (на груз. яз.).

²⁰ М. А. Кахадзе. Грузины в политической и культурной жизни Византии. Тбилиси, 1954, стр. 100 (на груз. яз.).

²¹ С. Г. Каухчишвили. Сведения византийских писателей о Грузии, т. II—IV. Тбилиси, 1934—1952, т. II, стр. 227, т. III, стр. 366, т. IV, стр. 432 (на груз. и греч. яз.).

²² Proclus. The elements of theology, ed. by E. R. Dodds, Oxford, 1933.

фов²³. Кроме того, в этой диссертации автор, опираясь на грузинский перевод *Στοιχείωσις θεολογική* Прокла, и считая, что, по всей вероятности, Иоанн Петрици в XI в. пользовался лучшими рукописями этого произведения, чем известные нам ныне греческие (XIII—XV вв.), пытается восстановить первоначальный текст некоторых частей произведения Прокла. Исследованию особенностей языка произведения Прокла Диодоха и Иоанна Петрици посвящена и другая работа Н. Н. Кечакмадзе²⁴.

Г. Ф. Церетели в продолжении многих лет работал над рукописями сочинений византийского философа XI в. Иоанна Итала и издал некоторые из его трудов²⁵. Полный сборник трудов И. Итала, переписанный рукой Г. Ф. Церетели с парижских, мадридских, лондонских и других рукописей, хранится в Грузинском Гос. музее им. Джанашиа. С 1950 г. над изданием и исследованием произведений Иоанна Итала работает Н. Н. Кечакмадзе. Ею сделан грузинский и русский переводы трудов Итала и дана в печать монография об Итале.

В 1942 г. Ш. И. Нуцубидзе²⁶ после долголетних исследований пришел к заключению, что автором трактатов псевдо-Дионисия Ареопагита являлся Петр Ивер. Точку зрения Ш. И. Нуцубидзе поддерживает бельгийский ученый Э. Хонигман²⁷. В 1956 г. эту проблему затронул К. С. Кекелидзе, опубликовав разбор аргументов Э. Хонигмана²⁸.

Исследованию трактата псевдо-Дионисия Ареопагита *Περὶ θεῶν ὀνομάτων* в переводе Ефрема Мцире посвящена кандидатская диссертация С. Я. Енукашвили, законченная в 1953 г.

В работе рассмотрена история разработки учения Дионисия Ареопагита, дан краткий обзор главных вопросов ареопагитизма и, наконец, текстуальное сопоставление грузинского перевода с греческим подлинником. Диссертация Т. С. Пашалишвили касается «Слова-эпитафии» Григория Назианзина.

Л. М. Меликсет-Бек исследовал мировоззрение Иоанна Майумского, ученика Петра Ивера. Его работа основана на изучении рукописи Гос. музея Грузии агм. № 21, содержащей новый вариант так называемой армянской «Книги посланий», включающий и армянский перевод «Плерофория» Иоанна Майумского²⁹.

Пристальное внимание привлекали также проблемы, связанные с историей византийской литературы.

В этой области плодотворно работал С. Г. Каухчишвили, который, в частности, внимательно проследил эллинистические и эллинистические традиции в византийских памятниках³⁰.

²³ Н. Н. Кечакмадзе. «Элементы» Прокла Диодоха. Древнегрузинский перевод. Тбилиси, 1948 (кандидатская диссертация), стр. 327 (на груз. яз.).

²⁴ Ее же. К вопросу о языке Иоанна Петрици. «Труды ТГУ», вып. 51, 1953, стр. 343—356 (резюме на русск. яз.).

²⁵ Ioannis Itali Opuscula selecta, Thphilissii, fasc. I—II, 1924—1926, стр. 55, 99 (введ. на нем. яз.).

²⁶ Ш. И. Нуцубидзе. Тайна псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942 (на русск. яз.; резюме на англ. яз.), стр. 55.

²⁷ E. Honigman. Pierre l'Iberien et les écrits du Pseudo-Dénys Aréopagites. Bruxelles, 1952.

²⁸ К. С. Кекелидзе. Проф. Э. Хонигман о Петре Ивере и сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита. «Труды ТГУ», вып. 63, 1956, стр. 231—245 (резюме на русск. яз.).

²⁹ Л. М. Меликсет-Бек. Новый вариант армянской «Книги посланий» и ученик Петра Ивера Иоанн Майумский. «Известия Музея Грузии», вып. 11, 1941, стр. 41—80 (резюме на русск. яз.). «Книге посланий» посвящена также другая работа Л. М. Меликсет-Бека («Graeco-Byzantina в древнеармянском Liber epistolarum». ВВ, т. XII, 1957).

³⁰ С. Г. Каухчишвили. История греческой литературы, т. II. Тбилиси, 1949, стр. 267—473 (на груз. яз.). Перу С. Г. Каухчишвили принадлежат также специальные

В трудах К. С. Кекелидзе «История древнегрузинской литературы»³¹, «Этюды из истории древнегрузинской литературы»³² в связи с исследованием агиографических произведений средневекового романа «Таврос и Мения» и так называемого животного эпоса рассмотрены и вопросы византийско-грузинских литературных связей.

Долгие годы изучал роман «Варлаам и Иоасаф», весьма популярный в Византии, Ш. И. Нуцубидзе. Этому вопросу посвящена, помимо других трудов, вышедшая в 1956 г. его специальная монография³³. Ш. И. Нуцубидзе считает, что роман «Варлаам и Иоасаф» — грузинского происхождения.

Вопросы истории византийской поэзии рассматривались в нескольких работах. Так, П. А. Берадзе, исследуя ритмику грузинского стиха, затрагивал и метр византийской ритмической поэзии. Им найден стихотворный размер «Ямбико» Иоанна Зосима³⁴ (X в.). До опубликования работы П. А. Берадзе исследователи считали «Ямбико» Иоанна Зосима прозой. П. А. Берадзе изучил также грузинский перевод «Жития Михаила Саввинского» («Абукура»). Это произведение в переработанном виде находится в «Житии Федора Эдесского» и, по утверждению П. А. Берадзе, представляет собой своеобразное стихотворение³⁵.

Вопросам византийско-армянских и грузинских литературных связей посвящены несколько работ Л. М. Меликсет-Бека³⁶. Специально следует отметить его исследование о датировке греко-византийских памфлетов, связанных с именем армянского католикоса Исаака. Л. М. Меликсет-Бек отвергает датировку этих памфлетов XI или XII в., поскольку они были использованы в древнегрузинской литературе еще в IX в.; он пришел к заключению, что автором памфлетов был не армянский католикос Исаак, но некий анонимный представитель нижней ступени греческой церковной иерархии³⁷.

М. Л. Кахадзе работал над древнегрузинскими переводами византийских писателей: Василия Великого, Григория Назианзина, Григория Нисского и др.; он издал «Шестоднев» Василия Великого в грузинском переводе³⁸. Исследованию древнегрузинских переводов некоторых византийских памятников посвятил несколько своих работ и Т. А. Рухадзе³⁹.

работы по истории византийской литературы: Ефрем Мцире и некоторые вопросы греко-византийской метрики. «Труды ТГУ», т. 27, 1946, стр. 67—74 (резюме на русск. яз.). Византийский роман VI в. «Галактион и Эпистимия» (древнегрузинский перевод). ИИЯИМК, 1944, т. 14, стр. 359—374 (на груз. яз.). «Об одном толковании Михаила Пселла», 1941, т. 2, № 1, стр. 177—179 (резюме на русск. яз.).

³¹ К. С. Кекелидзе. История древнегрузинской литературы, т. I—II. Тбилиси, 1951—1952, стр. 670, 624 (на груз. яз.).

³² Его же. Этюды из истории древнегрузинской литературы, т. I—V. Тбилиси, 1945—1957, стр. 310, 335, 343, 381 (на груз. яз.).

³³ Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». Тбилиси, 1956, стр. 246 (на русск. яз.).

³⁴ П. А. Берадзе. О грузинском Ямбико. «Известия ГрузССР», т. 4, № 6, 1943, стр. 585—592 (на русск. яз.); его же. О природе грузинского стиха. «Мнатоби», 1944, № 3, стр. 137—156 (на груз. яз.).

³⁵ Его же. Теимураз Багратиони о грузинском стихосложении. «Тезисы научной сессии ТГУ», 1951 (на груз. яз.).

³⁶ Л. М. Меликсет-Бек. Оригеново толкование «Песни песней Соломоновой» в древнеармянском переводе. «Известия Кавказского ист.-археол. института», т. 4, 1926, стр. 10—14 (на русск. яз.); его же. К вопросу о Феодоре Абукура в древнегрузинской литературе. Там же, стр. 41—50 (на русск. яз.).

³⁷ Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу о датировке псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе. ВВ, т. 8, 1956, стр. 208—222.

³⁸ М. Л. Кахадзе. «Шестоднев» Василия Великого (перевод Георгия Афонского). Тбилиси, 1947, стр. 82—196 (на груз. яз.).

³⁹ Т. А. Рухадзе. Древнегрузинский театр и драматургия. Тбилиси, 1949; его же. Грузинский эпос в литературе переходного периода. Тбилиси, 1939.

Важное место в исследованиях грузинских ученых занимали проблемы византийского искусства и тесно связанного с ним средневекового искусства Закавказья.

Г. Н. Чубинашвили, выявляя в своих многочисленных работах наличие тесных культурных взаимоотношений Грузии с византийским миром, в то же время отвергает утвердившееся в буржуазной науке мнение о полной зависимости грузинского искусства от византийского⁴⁰. Связывая развитие грузинского искусства с историческим развитием грузинского народа и государства, Г. Н. Чубинашвили указывает на яркую национальную самостоятельность грузинского искусства и его самостоятельное значение в кругу средневекового искусства других стран. Г. Н. Чубинашвили доказывает, в частности, что храмы Грузии и Армении отличаются своеобразным стилем, который меньше напоминает византийские типы, чем романские постройки Запада.

В одной из статей он исследует существовавшие в византийском искусстве мотивы орнамента, которые сыграли большую роль в развитии европейского орнамента и которые встречаются на Кавказе в VII в.⁴¹ В другой работе сопоставляются характерные образцы грузинской, армянской и византийской архитектуры XIII в., показано, что при наличии сходных решений плана в Византии и Грузии, имеет место существенное различие в композиции фасадов, в декоре, в оформлении внутреннего пространства, в соотношении частей, в отдельных архитектурных формах⁴².

В ряде работ Г. Н. Чубинашвили касается вопроса места и значения грузинских базилик. Им доказано, что грузинские базилики, представленные такими замечательными образцами, как Болнисский Сион⁴³ конца V в., Урбнисский храм VI в. и др., и по общему решению и по разработке отдельных архитектурных форм, характеризуются своеобразными чертами и составляют самостоятельную группу наряду с сирийскими, месопотамскими, армянскими, малоазийскими и собственно византийскими базиликами.

Давая исчерпывающую характеристику грузинской архитектуры конца VI и начала VII в. на примере знаменитого храма Джвари в Мцхете и группы примыкающих к нему храмов⁴⁴, Г. Н. Чубинашвили доказывает, что архитектурный тип, представленный в этих памятниках, является закономерным завершением предыдущего развития раннефеодальной грузинской архитектуры. В то же время, сравнивая их с византийской архитектурой VI в. (Айя-София в Константинополе и др.), он выявляет коренное различие в художественных приемах. В частности, показано, что, в отличие от Византии, в Грузии приобретает важное значение проблема художественного решения фасада здания.

⁴⁰ См. об этом, помимо основных его трудов, также и рецензии на работы И. Стржиговского и Ф. Шмидта: *Die christliche Kunst im Kaukasus und ihr Verhältnis zur allgemeinen Kunstgeschichte*. «Monatschrift für Kunstwissenschaft», № 7—9, 1922, S. 217—237; «Новый Восток», № 1, 1922, стр. 421—424; Ф. И. Шмидт. Заметки о поздневизантийских храмовых росписях. ВВ, т. XXII, стр. 62—126; рецензия Чубинашвили: «Христианский восток», т. VI, 1917, стр. 88—106.

⁴¹ Г. Н. Чубинашвили. Малая церковь Джвари Мцхетского. «Известия ТГУ», т. II, 1922, стр. 22—68 (на груз. яз.).

⁴² Егo же. К вопросу о национальной форме и архитектуре прошлого; «Ags Georgica», т. III. Разыскания Института истории грузинского искусства, изд. АН ГрузССР. Тбилиси, 1950, стр. 191—200 (на русск. яз.).

⁴³ См., например, Г. Н. Чубинашвили. Болнисский Сион. ИИЯИМК, т. IX, 1940, стр. 1—215 (на русск. яз., резюме на немецк. яз.).

⁴⁴ Егo же. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948; таблицы изданы отдельной книгой: Тбилиси, 1948, стр. VII + 44 (на русск. яз.).

Многие вопросы истории византийского искусства затронуты в работах Ш. Я. Амиранашвили. Так, давая историко-художественный и иконографический анализ чеканного образа св. Георгия из Хони⁴⁵, Ш. Я. Амиранашвили уделяет большое внимание иконографическому анализу изображения Георгия в воинских доспехах в рост не только в грузинском, но и в византийском искусстве.

В другой работе исследуется иконописный подлинник для стеной живописи, который хотя и дошел фрагментарно, но тем не менее дает схему росписи алтарной апсиды и купола с барабаном крестовокупольного грузинского храма⁴⁶. В статье дан сравнительный анализ схемы росписей византийских и грузинских крестовокупольных сооружений с XI по XIII в. Грузинская схема росписи храмов указанного типа существенно отличается от византийской. Распространение композиции денсуса в конце алтарной апсиды, в куполе креста, в медальоне — вместо «пантократора», погрудные фигуры евангелистов в парусах — вместо изображения их сидящими и другие детали, отличают схему грузинских росписей от византийских.

Сравнительно-исторический анализ византийских, русских, балканских и грузинских росписей XIII и XIV вв. содержится и в монографии Ш. Я. Амиранашвили⁴⁷, посвященной исследованию выдающегося памятника грузинской стеной живописи XIV в. (по новой датировке автора, предложенной им вместо старой — XIII в.). Автор анализирует константинопольскую живописную манеру на основании изучения росписи в Цаленджихе, выполненной согласно греческой и грузинской надписям Кир-Мануилом Евгеником (1384—1396), современником Феофана Грека. Цаленджихская роспись имеет исключительное значение для понимания искусства эпохи Палеологов. Другая монография Ш. Я. Амиранашвили посвящена творчеству двух золотавателей — Бека и Бешкену из Опизы, работавших в конце XII в., в эпоху Шота Руставели и Тамары⁴⁸. Исследуя творчество этих мастеров и вскрывая его истоки и пути его развития, автор монографии и здесь делает ряд очень интересных экскурсов в область собственно византийского искусства, в частности, в область византийской торевтики. В монографии проанализированы дискос гальберштадтского кафедрального собора, два оклада евангелий, хранящиеся в библиотеке собора св. Марка в Венеции, реликварий из сокровищницы того же собора и другие памятники. Автор предлагает новую датировку некоторых типов памятников, которая расходится со старой.

О византийско-грузинских связях в области искусства и о значении этих связей для развития как грузинского, так отчасти и византийского искусства, говорится и в обобщающей работе того же автора, посвященной истории грузинского искусства с древнейших времен⁴⁹. Очаги грузинской культуры были как в самой столице Византии, так и на Афоне, в Вифинии, Палестине, в Сирии и других областях империи. С конца X в. и почти до падения Константинополя культурная связь Грузии с Византией была интенсивной, и особенно ярко это отразилось в монументальной живописи, миниатюре и в искусстве перегородчатых эмалей. В соответствующих

⁴⁵ Ш. Я. Амиранашвили. Образ св. Георгия из Хони. «Исторический вестник», кн. 2. Тифлис, 1924, стр. 136—151 (на груз. яз.).

⁴⁶ Егo же. Фрагменты грузинской стеной живописи, Ариш, Тбилиси, 1925, стр. 25—46 (резюме на франц. яз.).

⁴⁷ Егo же. Убиси. Материалы по истории грузинской стеной живописи. Тбилиси, 1930, стр. 68 + СЛIII (на груз. яз.).

⁴⁸ Егo же. Бека Опизари. Грузинский золотаватель XII—начала XIII в. Тбилиси, 1956, стр. 57 + 55 (на русск. яз.).

⁴⁹ Егo же. История грузинского искусства, т. I. М., 1950, стр. 526 + 200 табл (на русск. яз.).

разделах книги имеются ссылки на отдельные произведения византийского искусства. После падения Константинополя Грузия долгое время поддерживала культурную связь с Афоном, что нашло отражение в грузинских росписях XVI и XVIII вв.

Проблемы истории искусства затрагивал и Л. М. Меликсет-Бек, который утверждал, что на памятниках Внешней Кахетии (Мухравани, Кацахети-Самеба и др.) сохранены следы влияния византийской живописи⁵⁰.

Наш обзор не является исчерпывающим. Мы, например, совершенно обошли работы, связанные с узкоспециальными разделами истории Византии (такие, например, как история богослужения, история календаря и т. п.), но и сказанное, думается, убедительно свидетельствует о значительном подъеме византиноведения в Советской Грузии.

Н. Н. Кечакмадзе

К. Н. ЮЗБАШЯН. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ В 1180—1204 гг. И ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Ереван, 1957, 69 стр.

В небольшом исследовании, выпущенном в свет Издательством АН Армянской ССР, К. Н. Юзбашян ставит своей задачей выяснить причины слабости Византии, сделавшие ее легкой добычей немногочисленного войска крестоносцев Четвертого похода.

Эта проблема представляет значительный интерес: от ее правильного решения во многом зависит понимание некоторых существенных особенностей социально-политических отношений в Византии на рубеже XII—XIII вв.

Буржуазная историография обычно довольствовалась просто констатацией ослабления императорской власти в Византии в период, предшествовавший нападению крестоносцев, а если и пыталась объяснить это ослабление, то искала его причины преимущественно в области политического развития империи. В качестве примера можно привести мнение Ф. И. Успенского. С его точки зрения, горсть западноевропейских авантюристов легко овладела византийской столицей главным образом потому, что к концу XII в. в политической жизни Византии резко обозначились децентрализующие тенденции: империя фактически стала распадаться на полусамостоятельные владения «эпатридов» (т. е. землевладельческой знати); императорская власть была подорвана¹ и поэтому, в первую голову, «обширная империя... не имела в себе достаточно энергии и решимости, чтобы уничтожить небольшую венецианскую эскадру, которая подошла к Константинополю»². Ф. И. Успенский, правда, высказывал при этом и другие соображения в объяснение событий 1204 г.; он упоминал между прочим и о том, что «взаимные отношения между сословиями и классами столичного населения... подготовили империю» к краху 1204 г.³, но на первом плане у него фигурировал все же рост политической децентрализации в Византии и ослабление императорской власти, а основу этих явлений он

⁵⁰ Л. М. Меликсет-Бек. Древняя живопись в Гареклахети. «Чвени Мецниереба», № 9—10, 1924, стр. 57—63 (на груз. яз.).

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М., 1948, стр. 380

² Там же, стр. 378.

³ Там же, стр. 385.